

Судьба и причинность

Судьба — это суд

То обстоятельство, что слово судьба производно от слов суд, судилище, имело для Достоевского особое значение. У него темы судьбы и суда, будь то суд Божий, нравственный или уголовный, чаще всего объединяются, придавая повествованию метафизический характер и делая криминальных героев похожими на протагонистов греческих трагедий.

Греки называли судьбой силу внешних обстоятельств, заставляющую людей действовать определенным образом. Зачастую судьба представлялась похожей на грозного зверя, мчащего на своей спине человека, чтобы в итоге сбросить его в бездну. Человек оказывался, обречен на роль похищенной Европы, покорно сидящей на спине могучего быка, чья неукротимая сила уносила жертву в небытие. При этом невозможно было даже и помыслить об иных вариантах своей судьбы. Для этого человек должен был бы стать другим и пройти через метанойю и дианойю, т. е. перестройку ума и души, к чему он, как правило, не был внутренне расположен. Поэтому судьба не только обрушивалась на него извне, но и как бы развертывалась из него самого, из присущих ему свойств природы и характера.⁴⁴

Сходную модель судьбы мы встречаем у Достоевского. У него за событийным, социальным, психологическим все-

---

⁴⁴ *Аверинцев С.С.* Судьба. *Философская энциклопедия*. Т. 5. М., 1970. С. 158.

гда ощущается присутствие метафизического инобытия, довлеющего над физическим существованием людей. Поведение героев нередко рождает впечатление, будто они, несмотря на всю их самоуверенность, находятся в полной власти неких надличных сил и потому обречены. Эти силы, оказывающиеся чаще всего силами уничтожения, а не охранения — спасения, заманивают и подталкивают к пропасти, где героев ждет нравственная или физическая гибель. Так происходит с Раскольниковым, который движется к преступлению, будто его подталкивает в спину некая невидимая сила. Так же, в таком же гибельном направлении разворачиваются события в семействе Карамзовых, где отцеубийство приближается с роковой неотвратимостью.

Для Достоевского судьба — это не просто сплетение ряда обстоятельств, а проявившийся результат действия целого сонма разнообразных факторов. Прежде других в формировании этого результата участвует метафизический, трансцендентный фактор, либо владеющий инициативой провиденциально-благого характера, либо имеющий демоническую, сугубо отрицательную природу. Этот фактор есть функция высших сил, которым безраздельно подчинено все мировое бытие, включая физическую, социальную и духовную жизнь людей.

Поскольку трансцендентные начала пребывают в непроницаемом для «эвклидова» рассудка мире тайны, то об их роли в жизни человека можно судить только по порождаемым ими следствиям. Предполагается, что в мироздании существует некий Творец, Демиург, Художник, Дирижер, Композитор, намеревающийся распорядиться каждой человеческой жизнью так, как Он считает нужным.

Второй ряд судьбоносных факторов имеет онтологическую природу и представляет собой порядок вещей, спле-

тение бесчисленных обстоятельств самого разного характера. К моменту выхода героев романа на авансцену сюжетного действия они уже успели сложиться в единое, нерасчленимое целое. Герой оказывается среди них подобно человеку, очутившемуся на перекрестке улиц большого города, где громады домов стискивают его со всех сторон и где свобода его передвижения предопределена возникшим задолго до его появления расположением улиц и переулков.

Напрашивается еще одно сравнение: онтологический порядок вещей напоминает созданный Вселенским композитором нотный текст музыкального произведения, который ждет своего исполнителя.

И, наконец, третий, антропный, т. е. сугубо человеческий фактор — это совершаемые героем действия и поступки, позволяющие ему двигаться по уже предначертанному пути. Сколь бы сильной личностью он не был и сколь бы независимым умом и характером ни обладал, его роль в данном аспекте напоминает роль исполнителя, разыгрывающего по нотам музыкальное произведение, сочиненное отнюдь не им. Свобода исполнителя имеет здесь весьма жесткие пределы; он почти полностью пребывает во власти замысла композитора и созданного тем текста. Он, конечно же, имеет возможность по-своему интерпретировать и замысел и текст, но не в его власти радикально переиначить их.

Между всеми тремя факторами: метафизически-трансцендентным, онтологическим и антропным, имеется координационная связь в виде «созвучности метафизического такта», облекшейся в форму подчинения низшего высшему. Жизненный путь героя, увиденный сквозь контрапунктную призму их соподчиненного триединства как единая событийная цепь, обретает значимость хотя и малого, но,

тем не менее, вполне космического события, разворачивающегося в соответствии с метафизической траекторией судьбы.

В романах Достоевского конечным пунктом действия всех этих факторов чаще всего оказываются жизненные авантюры в качестве преступлений и экзистенциальные катастрофы в виде самоубийств и сумасшедствий.

Преступление: беда и вина

Писатель с негодованием отвергал распространенные среди тогдашних социологов, литераторов, журналистов объяснения преступлений через формулы «среда заела» и «среда виновата». Они отталкивали его своей упрощенностью, поскольку в них учитывался только один единственный социально-онтологический фактор, а все прочие игнорировались. В «Дневнике писателя» за 1873 год, в очерке «Среда» он, дискутируя с оппонентами — социальными детерминистами, вводит в качестве контраргумента метафизическую психологему «вины всех за всех». Ее смысл в том, что, будь мы сами лучше, то данный преступник не стоял бы сейчас перед судьями. В том, что он встал на роковой путь, обернувшийся для него бедой, есть и наша вина.

Мысль писателя здесь восходит к библейскому мифу о грехопадении прародителей и печати общего греха, связавшего всех людей единой невидимой цепью. Напоминание об этом уводит сознание в метафизическую ретроспективу, заставляя говорить не только о личной вине преступника, но и о его беде, то есть о том, что ему не подвластно, пребывает вне его и, вместе с тем, неумолимо подталкивает его к пропасти.

Беда предстает как одно из русских имен судьбы, жестоко обошедшейся с человеком. Если за свою вину пре-

ступник должен быть осужден и наказан, то за беду, случившуюся с ним, ворвавшуюся в его жизнь и искалечившую ее, он достоин сострадания. Отсюда, по мнению Достоевского, в народе, интуитивно чувствующем эту разницу, существует давняя привычка считать преступление несчастием, а преступников — несчастными.

Весьма скептически Достоевский относился и к антропо-доминантной объяснительной модели, согласно которой человек изображался хозяином своей судьбы, обладающим полной свободой самоопределения.

Размышляя над природой свободы, писатель никак не мог отделаться от представлений об ее, во многом иллюзорном, характере. Он понимал, что под свободой следует разуместь возможность и право человека на осуществление своего предназначения. Но та же свободная воля во многом походила на «пусковой механизм», включив который, человек устремлялся по траектории своей судьбы в неведомую ему перспективу.

В подобных ситуациях человеку часто только кажется, что он совершенно свободен и будущность целиком зависит от его решений. Но в действительности великое множество обстоятельств уже успели сплестись в огромное движущееся целое, в лавинообразный поток условий и предпосылок. Любой человек в каждый момент своей жизни находится во главе этого несущегося потока. Перед ним расстилается неизвестность и ему кажется, что эта ширь — пространство его бесконечных возможностей, пространство свободы. Но это, как любил подчеркивать гениальный грузинский философ М. Мамардашвили, всего лишь иллюзия. Толкающая человека в спину лавина обстоятельств уже успела обрести силу непреложного долженствования, и он вынужден делать то, что уже невозможно не совершить. И даже если ему каким-то чудом успел приоткрыть-

ся его жребий, лучшее, что он может сделать, — это, подобно Ахиллу у Гомера, принять вызов судьбы и продолжать двигаться навстречу жребию.

Европейское антропоцентрическое сознание, начиная с эпохи Возрождения и на протяжении всего нового времени, приложило значительные усилия, чтобы демистифицировать реальность, сбросить с нее метафизический флер и изобразить человека хозяином «разволшебствованного» мира, господином своей судьбы. Достоевскому такой подход казался совершенно неоправданным. Не случайно даже наиболее самоуверенные и самодостаточные из его героев временами производят впечатление платоновских людей-марионеток, чьими поступками руководят некие надличные силы.

Синергетика Достоевского

В XX веке некоторый свет смогла пролить на этот парадокс синергетика, выявившая определяющую роль случайностей во всех сферах посюсторонней реальности.

Разработав теоретический инструментарий особого рода, синергетика сосредоточила свое внимание на той разновидности причинной зависимости, при которой из всего разнообразия возможностей реализуется та, что обладала наименьшей, по сравнению с другими, степенью вероятности своего утверждения.

Для нас наиболее важно одно из центральных понятий синергетики — бифуркация, означающая пребывание системы или субъекта на перепутье, в пункте ветвления различных вариантов будущего развития. Пребывать в точке бифуркации — это значит находиться в крайне неустойчивом положении, когда любая, даже самая незначительная случайность способна увлечь систему в ту или другую сто-

рону. При этом роль случайности может быть как конструктивной, так и деструктивной, поскольку под ее воздействием система способна двинуться либо по пути укрепления своих структур, либо же навстречу распаду, хаосу, гибели.

Характерно, что будущее системы (субъекта), находящейся в точке бифуркации, практически не предсказуемо. Ход событий поддается прогнозированию только в интервале между ближайшими пунктами бифуркации. Лишь на этом отрезке времени детерминирующая роль необходимых факторов имеет существенный, определяющий характер.

Представим себе ситуацию, когда в сознание человека закрадывается мысль о совершении поступка, который оценивается общественным мнением негативно, а уголовным законодательством квалифицируется как преступление. Предполагаемый выигрыш выполняет функцию искушения. Под его воздействием в мотивационной сфере оформляются доводы в пользу возможности совершения криминального деяния.

Одновременно в сознании рождаются и доводы «против». Они диктуются факторами инстинктивно-охранительного и морально-правового характера.

Возникает ситуация противоборства между двумя системами противоположно ориентированных доводов. Из возникающей контroversы возможно несколько выходов.

В первом случае сила искушения оказывается неодолимой, и человек идет на совершение преступления.

Во втором случае побеждают стыд, совесть, благоразумие, страх наказания и планировавшееся нарушение закона остается нереализованным.

И, наконец, третья ситуация, когда возникает неустойчивое равновесие доводов «за» и «против», и вся система мотивов как бы замирает в состоянии, напоминающем положение двух чаш весов с примерно одинаковым грузом на

каждой из них. В этой обстановке колеблющегося, зыбкого равновесия достаточно малейшей случайности подействовать на одну из чаш, чтобы она решительно перевесила другую.

Подобное пребывание мотивационной системы в точке бифуркации может быть чревато как падением, так и спасением. Отсюда лежат пути в противоположные нормативно-ценностные миры.

Достоевский в «Преступлении и наказании» воссоздал именно синергетическую причинную модель преступления, выступив, по сути, в качестве одного из провозвестников синергетического мировидения. Ведь у него как раз случайные обстоятельства шаг за шагом и подталкивали Раскольникова к роковой черте.

Поначалу это случайно подслушанный в трактире разговор между двумя незнакомыми молодыми людьми, студентом и офицером. Из него Раскольников узнает адрес старухи-процентщицы.

Затем, когда уже многое передумано, взвешено и, наконец, после страшного сна об убийстве лошади, отвергнуто, Раскольников случайно слышит на Сенной площади, что завтра, в семь часов вечера старуха будет одна в своей квартире. Из этого следовало, что более удобный момент ему вряд ли еще подвернется. И вновь в нем возобновляется мучительная внутренняя борьба. «Но зачем же, спрашивал он всегда, зачем же такая важная, такая решительная для него и в то же время такая в высшей степени случайная встреча на Сенной (по которой даже и идти ему незачем) подошла как раз теперь к такому часу, к такой минуте в его жизни и к таким именно обстоятельствам, при которых только и могла она, эта встреча, произвести самое решительное и самое окончательное действие на всю судьбу его? Точно тут нарочно поджидала его» (6, 50–51).

На следующий день чрезвычайно продолжительный сон, казалось бы, уберег Раскольников от преступления: он проспал и проснулся, когда уже шел восьмой час и было поздно что-либо затевать. Но словно какая-то сила толкает его в спину и он, несмотря ни на что, встает и идет. Тут же обнаружилось еще одно спасительное обстоятельство: на кухне, откуда он рассчитывал незаметно взять топор, находилась кухарка. В весьма удрученном состоянии Раскольников спускается по лестнице, идет через двор и, проходя мимо дворницкой, случайно бросает взгляд в открытую каморку и там, под лавкой видит поблескивающий топор. «Не рассудок, так бес», — подумал он, странно усмехнувшись и приободрившись.

Роль всех этих случайностей оказалась столь велика оттого, что морально-правовое сознание студента-юриста Раскольникова пребывало в состоянии нормативно-ценностной неустойчивости. Его тянули в противоположные стороны две силы — теория социальной «арифметики», оправдывающая «право на кровь», и голос протеста против убийства, звучащий из глубин его внутреннего «я», из недр его в целом благородной натуры.

Беда Раскольникова была в том, что в этом споре примерно равносильных оппонентов не участвовало его «сверхсознание». Именно дух с его спасительной догматикой абсолютных запретов на насилие мог бы вмешаться и уберечь от преступления. Но Раскольников уже успел отвергнуть метафизический мир, отпрянуть от Бога и потому остался наедине со своей ночной душой, в злополучном состоянии неустойчивого равновесия противоположных мотивов.

Критические моменты (на языке синергетики — точки бифуркации), предельно обострившие проблему выбора, настигали его на каждом шагу. Каждая встреча и каждый

разговор, пусть даже самые незначительные, каждый сон, даже самый причудливый, несли с собой различные синергетические потенциалы, а с ними возможности либо устоять, либо сорваться в пропасть. И все же случилось так, что Раскольников не был уведен от края бездны, а рухнул в нее. Он оказался в синергетической зоне «странного аттрактора»⁴⁵ и потому, несмотря на все сомнения, метания, периодические отказы от принятого решения, его путь был предопределен. Слабые, но попадающие в резонанс с общим характером событий, совершающихся в зоне «странного аттрактора», толчки вели его не прочь от преступления, а к нему. Симптоматично, что после одного из последних толчков при встрече на Сенной он почувствовал себя буквально как «приговоренный к смерти». «Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» (6, 52).

Какая же сила вела его на преступление как приговоренного на эшафот?

Не та ли самая, что некогда вела Эдипа по столь же устрашающей стезе?

Из массы разнообразных случайностей, из ряда сменяющих друг друга «пороговых ситуаций» возникла в итоге роковая траектория. Случилось так, «как будто его кто-

---

⁴⁵ В синергетическом словаре *аттрактор* — это совокупность условий, заставляющих разные элементы двигаться по различным, но сходящимся траекториям и в конечном счете оказываться в одной общей точке. Зона аттрактора напоминает воронку, внутри которой песчинки скользят вниз разными путями, но в итоге сходятся в горловине. Что же касается зоны *странного аттрактора*, то здесь налицо состояние непредсказуемости случайных блужданий отдельного элемента в каждый конкретный момент и вместе с тем царит предопределенность, что этот элемент непременно окажется в финале своих блужданий в горловине воронки.

то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» (6, 58).

То, что в метафизическом смысле могло бы называться судьбой, роком, выступило как результат синергетической детерминации.

В свете синергетических определений духовный мир Раскольникова предстает как сверхсложная, самоорганизующаяся система, внутри которой противодействуют друг другу тенденции порядка и хаоса.

В нравственно-психологическом плане эта внутренняя борьба выглядит как столкновение настроений благородства и жестокости, возвышенных мечтаний и разрушительных умонастроений. Ночная душа навевала ему мрачные грезы со сценами кровопролитий. Попавшая под ее влияние дневная душа выстраивала аргументы, оправдывающие преступление, в стиле рассудочной «арифметики». Дух же пребывал в полудремотном состоянии, лишь изредка, на какой-то момент пробуждаясь, чтобы затем опять впасть в затяжную спячку.

В силу многомерности своего «я» Раскольников несет в себе возможность внутренних изменений по многим направлениям. Он открыт одновременно и свету и тьме. И это особенность не его одного, а всех главных героев Достоевского, неизменно оказывающихся в состоянии неустойчивого равновесия, когда дальнейшая их судьба попадала в зависимость от самых малых случайностей. Таково состояние и Дмитрия Карамазова, синергетическую природу которого точно определил М.Бахтин: «И следовательно, и судьи, и прокурор, и защитник, и экспертиза одинаково не способны приблизиться к незавершенному ядру личности Дмитрия, который, в сущности, всю свою жизнь стоит

на пороге (подчеркнуто мной. — В.Б.) великих внутренних решений и кризисов. Вместо этого живого и прорастающего новой жизнью ядра они подставляют какую-то готовую определенность, “естественно” и “нормально” predeterminedенную во всех своих словах и поступках “психологическими законами”». ⁴⁶

Имеются достаточные основания для того, чтобы видеть близость позиций Достоевского и современной синергетики в понимании целого ряда социально-философских проблем. Однако из этого не следует, что самому писателю была совершенно ясна природа причин, порождающих многообразие негативных феноменов социальной жизни.

Достоевский всегда с большим вниманием относился к различного рода предсказаниям и пророчествам. Сохранился черновой автограф его записей, не вошедших в летний, 1877 года, выпуск «Дневника писателя». Он содержит пространные рассуждения о том, что абсолютное большинство современных людей, в том числе самых образованных, верят в способность отдельных личностей к предсказаниям.

В библиотеке писателя имелась книга Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде», изданная в 1863 году в Лейпциге в переводе А.Н. Аксакова. Он с большим вниманием относился к сведениям об известной вещунье Ленорман, предсказавшей декабристу С.И. Муравьеву-Апостолу смерть на виселице. Его всерьез волновали вопросы: «Если действительно существует дар пророчества, то, как болезнь или как нормальное отправление? Если существует способность пророчества, то во всех ли людях, более или менее разумеется, или в самых редких случаях, из множе-

---

⁴⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1973. С. 105.

ства миллионов людей в одном каком-нибудь экземпляре?» (25, 263).

Некогда древний, дохристианский мир, а впоследствии и христианская Европа верили в способность человека к пророчествам. С приходом эпохи Просвещения и распространением рационализма эту веру стали называть предрассудком. Наука заняла высокомерно-презрительную позицию по отношению к феномену пророчества. А между тем, полагал Достоевский, именно ей следовало бы этим феноменом заняться вплотную. Без сомнения, люди обладают способностью к предчувствиям, которая в своих высших проявлениях может оборачиваться пророческим даром. По сей день в народе распространяется вера в существование дурного глаза, который не только прозревает, но и в некотором смысле предопределяет отрицательные явления в будущем. И Достоевский приводит характерный факт из собственного опыта: «Нынешней весной один мой знакомый (не могу назвать его фамилии) зашел как-то по встретившемуся делу, на Охту, где не был почти пятнадцать лет. Прежде, и особенно в детстве своем, он часто бывал на Охте и даже жил там некоторое время. Естественно, в нем разгорелись воспоминания, и он даже нарочно пошел по одной из тамошних улиц, наиболее напоминающих ему минувшее. Через два часа встретясь со мной и рассказывая свои впечатления, он мимоходом заметил, что даже подивился, как там, за целые пятнадцать лет, ничего не изменилось, те же дома и даже почти не постарели. “И странно даже, — прибавил он, — строение деревянное, в Петербурге так часто пожары, а там — благословенное место, — ни одного-то пожара, все уцелело, и я, проходя, невольно даже об этом подумал”. На другой день этот самый знакомый приносит мне газету и указывает место, где извещали, что вчера в таком-то часу на Охте (то есть ровно

два часа спустя как там был мой знакомый и именно в той самой улице, о которой он подумал о пожарах) сгорело восемь домов. Бесспорно случайность, и сомнения в том нет никакого, но так как этот знакомый и до того еще был уверен в своем черном глазе или в своей способности предчувствия, бессознательной угадки, и даже сам много раз перед тем и давно уже говорил мне об этой своей способности и рассказывал мне множество случаев с ним в этом роде, то и в этот раз он ... конечно остался и даже утвердился еще больше в своем убеждении. Положим, он сам смеется над этим, но все же продолжает веровать, как-то невольно, неотразимо» (25, 264).

Тайна причинных связей, заявляющих о себе в подобных случаях, скрыта от человеческого рассудка. Какие силы и почему приводят к появлению иных несчастий и преступлений, порой невозможно понять даже посредством усилий самого сильного разума и самой тонкой и проницательной интуиции. Действительное сцепление событий оказывается фантастичнее, чем в ином самом странном сне.

Достоевского далеко не случайно занимали сновидения, и он любил высвечивать определенные грани характеров своих героев через описания их снов. Для него сны представляли собой своеобразный аналог той таинственной подоплеки, которая существует под очевидной поверхностью повседневных реалий. Во сне, т. е. на бессознательном уровне причинные связи способны обретать чрезвычайно причудливый характер, становиться совершенно не узнаваемыми, непохожими на то, с чем человек привык иметь дело в реальной жизни. События могут совершенно не подчиняться рассудочной логике, повседневности и закону причинности, фантазмагорически переплетаясь и сохраняя лишь весьма отдаленное сходство с действительностью. При этом явные несоответствия с тем, что

есть на самом деле, являются в таких снах скорее нормой, чем аномалией.

Во всем этом есть указание на то, что ни одно преступление как значительное событие в человеческой жизни невозможно объяснить только логикой очевидных причинных воздействий. Причиной смерти процентщицы нельзя считать только лишь физическое воздействие тяжелого и острого топора. Причиной мрачной философии Раскольникова не были ни его убогая, похожая на гроб, комната, ни его бедность, ни даже его незаурядный ум и сильный характер. Даже сложив вместе все эти факторы, вряд ли кто из людей, знавших Раскольникова, мог предугадать, что тот решится на убийство. Ведь не сделали столь же мрачные философемы Ницше или Маркса из их авторов уголовных преступников. Следовательно, в раскольниковской ситуации нужен другой подход, требуется иной уровень объяснения. Достоевский показывает, что здесь сработали не очевидные, лежащие на поверхности причинные связи, а нечто глубинное, скрытое от всех, невысказанное, могущее явиться только в фантастическом сне. Вмешались иные причины, которые в силу того, что они пребывают где-то за пределами физической реальности, уже и причинами-то называть затруднительно. Вмешалась ночная душа. Эта метафизическая сила и предрешила и предписала Раскольникову, как некогда Эдипу, совершить то, к чему ни тот, ни другой ни психологически, ни нравственно не были предрасположены, что шло вразрез с их натурами. Тем не менее оба они совершили свои страшные преступления.

Отчего траектория судьбы Раскольникова оказалась столь трагична? Ответить на этот вопрос так же трудно, как понять, почему так трагична история России последнего столетия.

Раскольников оказался тем пробным камнем, что был брошен метафизическим гением Достоевского в едва прозреваемую тьму будущего. И он же — тот самый камень, что оказался впереди лавины. За ним ринутся тысячи, миллионы обреченных, осужденные кем-то и за что-то также пройти путь преступления и наказания. То, что каждому из них представлялось свободным полетом в пространстве бесконечно благих возможностей, на самом деле не было таковым. Великое множество «демонов летящих» окажутся в итоге обречены на участь «демонов поверженных». Может быть, когда-нибудь в будущем какой-нибудь русский Гойя изобразит этот страшный финал экзистенциальной и исторической трагедии в виде бескрайнего кладбища, усеянного останками существ, которые лишь воображали себя демонами, а на деле оказались чем-то средним между летучими мышами, посланцами царства мрака, обиталища ночных душ, и злыми «насекомыми», безжалостно пожиравшими друг друга.